

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРЕЗДЕНСКОЙ ШКОЛЕ

Голованова (Журавлёва) Валентина Алексеевна

Мы с братом Володей прилетели в Дрезден 4 декабря 1945 года на военном Дугласе.



А. Г. Журавлёв со старшими детьми Володей и Валею. Дрезден (Радебойль).

Дрезденская русская школа, организованная при 1-й Гвардейской Танковой Армии и Советской Военной администрации города Дрезден, только начинала работать. Брат сразу стал посещать занятия в 6-м классе, а я заболела крупозным воспалением лёгких и смогла продолжить учебу в 5-м классе только в III-й четверти. В классе нас было 4 человека. Со мной на первой парте сидел маленький грустный мальчик Володя Изварин, у которого по локоть не было левой руки. Сзади сидел Валька Слюняев из Подмосковья, с ним мы соревновались в скорости решения задач и примеров по арифметике. В некотором же отдалении сидел сын полка Шевчук, четырнадцатилетний мальчик в военной форме без погон. Мне он казался взрослым.

Занятия проходили практически по полной программе. К концу учебного года появился даже учитель рисования.

Учителями были в основном демобилизованные военные, которые таким образом возвращались к своим профессиям. Среди них немало было бывших офицеров 1-й танковой, как учитель истории и директор школы Лев Борисович Сулла. На всю жизнь запомнила некоторые его уроки. Однажды он вызвал меня к доске и предложил нарисовать план древнего Вавилона, каким он мне

представляется по описанию в учебнике. Я онемела от неразрешимости задачи и не смогла ничего изобразить, хотя Лев Борисович подсказывал мне, что нужно делать. Пришлось ему самому нарисовать схему города. А однажды, рассказывая нам о древних системах письменности, он поразил нас тем, что написал на доске слова на неведомом языке справа налево.

Учитель математики (арифметики) Полянский влетал в класс, как в атаку, бросал свой офицерский планшет (не путать с современным планшетом) на кафедру и начинал вести урок. Из его методик мне более всего запомнилась соревновательная система решения задач: он называл номер задачи в задачнике, а мы наперегонки её решали.

Практически все наши учителя ходили тогда в военной форме без погон: и Л.Б.Сулла, и Полянский, и учитель русского языка и литературы Марков. Были и штатские учителя, в том числе женщины. Помню учительницу немецкого языка Ксению Мамонтову, её мы любили. А позднее появился сразу в штатском В.Ф.Орехов, учитель истории, заменивший в этом качестве Л.Б.Суллу.

Наша школа располагалась в здании какой-то бывшей немецкой, и меня, начинавшей учиться в эвакуации в деревне, поражало многое: просторные классы, удобные парты,двигающиеся доски, светлые окна, кафедра для учителя – это были явления какого-то иного мира.

Довольно быстро класс стал наполняться новыми учениками. У меня образовались подруги – Тося Рыбарева, потом Нина Воронцова. В старших классах появились красивые взрослые девушки.

Состав учеников школы никогда не был стабильным. Сначала дрезденская школа была единственной в Группе Советских оккупационных войск в Германии, и в неё свозили детей из всех частей советской зоны, благо при школе сразу был создан интернат.

Затем школы стали создаваться в местах дислокации крупных соединений, как-то в Потсдаме и т. д., и туда отъезжала часть учеников нашей школы. Некоторых отцов переводили на службу в Союз, других, напротив, из Союза в Германию, так что, как говорят сейчас, ротация школьного состава происходила постоянно.

Основу школьного коллектива составляли две группы: дети отцов из 1-й ГТА и дети родителей из США. Эти группы слегка соперничали. Но мы-то (особенно младшеклассники) точно знали, что 1-я танковая (и мы с ней) – лучше всех. Личный состав армии располагался в пригороде Дрездена Радебойле Ост, по центральной улице которого ходил трамвай. На трамвае нас и возили в школу от дома офицеров, где было небольшое ответвление трамвайной линии, позволявшее «нашему» трамваю поджидать нас утром.

Возвращались все в разное время, поэтому ездили на городском трамвае. Мы предпочитали ездить на площадке трамвая, а не внутри, где было тесно и душно. Не помню ни одного случая проявления недоброжелательности к нам со стороны немцев.

Возвращаясь, можно было выйти на остановке Weises Roß (Вайсес Рос – Белый Конь), это название сохранилось и на карте современного Радебойля.

К концу этого, первого, учебного года стали вводить школьную форму. Я это помню, потому что помню фотографию, на которой шестиклассники, мой брат и его товарищи, стоят уже в форменных костюмах, которые были темно-синего цвета и казались нам очень красивыми.

Не помню, чтобы я ходила в 5-м классе в форме, а вот в 6-м на мне уже было коричневое форменное платье.

Ближе к весне наш учитель рисования повёз нас в исторический центр города, надеясь показать нам знаменитую Дрезденскую галерею. Мы увидели довольно разрушенное здание, внутри которого было пусто, а под ногами скрипели осколки стекла и цементная крошка. Служитель, который там находился, разрешил нам пройти внутрь. В первом из залов, куда мы вошли, стояли пустые постаменты для небольших скульптур, стены были голые. На полу валялась небольшая скульптурка, похожая на слепок с греческого образца, без рук и головы, что весьма соответствовало общей обстановке.

При входе в галерею на стене когда-то красовался большой портрет Гитлера, а тот же служитель сказал нашему учителю, что Гитлер посетил галерею, и мы тут же затеяли игру – поиск его следов на полу.

В окрестности галереи уцелевших строений было мало. Поражала отдельно стоящая стена какого-то высокого здания, в верхней части которой были изображены конные фигуры пышно одетых всадников – по-видимому, саксонских королей.

Завалы из обломков здесь уже были разобраны, но я видела более страшную картину, которая осталась в памяти на всю жизнь. 4-го декабря 1945-го года нас провезли на машине от аэродрома до Радебойля через город Дрезден, вернее, через руины города, оставшиеся после американо-английской бомбардировки весны 1945-го года.

Узкая, на одну машину, дорога была прочищена среди безмолвных остатков зданий и завалов. Стены с провалами окон, ни одного уцелевшего дома, всё какого-то серо-чёрного цвета. Кое-где на стенах горели поминальные свечи и изредка попадались люди, которые что-то делали на улице.

Dresden war **zersplittert** (Дрезден вар цершплиттерт – Дрезден был разбит вдребезги). Это немецкое слово лучше всего передает то, что произошло с городом.

Я спросила папу уже дома, видел ли он более разрушенные войной города.

Он сказал: «Да, Минск».

Наши соученики, которые жили не в Радебойле, и им приходилось попадать в основную часть города, говорили, что трупный запах стоял там очень долго.

Наш 5-й класс как-то быстро заполнился до краёв. Помню Дору и Веру Берновских, двух девочек-близняшек из Радебойля, Олю Шумову и ещё кое-кого. Одно время сидел у нас Роман Мельничук, опять же сын полка, в полувоенной форме, но с медалями. Была одна девочка, которую перевели в наш класс из 7-го. По возрасту она должна была учиться в 7-м, но из-за оккупации отстала, а ей хотелось учиться в 7-м, туда она и записалась, но не удалось одолеть программу. Был у нас и племянник Армо Бабаджаняна. Учился

плохо, но на физкультуре был первым. В связи с этим мальчиком помню визит в школу в качестве «родителя» (это было позднее, уже в другом здании) Армо Бабаджаняна. В чёрной кавказской бурке со шпорами на сапогах. Мне казалось, что они цокали по лестнице.

Было одно общешкольное мероприятие в течение моего 5-го класса, весной: участие в пароходной прогулке по Эльбе. Сохранилась фотография, на которой я стою среди разношёрстной компании на фоне разрушенного моста через реку.



Прогулка по Эльбе – пароход «Кёнигштайн»

Как-то незаметно из школы исчезли сыны полков. Папа сказал, что их отправили в суворовские училища в Союз.

В школе наверно существовала пионерская организация, но ни одного пионерского мероприятия я не помню. Вот комсомольские собрания, в которых я принимала участие позднее, помню.

После окончания занятий и экзаменов был устроен небольшой праздник, в котором принимали участие и 5-й, и 6-й классы. Проходил он «на природе» – части школьного двора, где были трава и кусты. Опять же была фотография, где мы, несколько девочек и мальчиков, сидим на траве. В художественной части этого действия выступил шестиклассник Боря Слуцкий, который был объявлен как поэт, прочитавший своё стихотворение. Позднее, во взрослой жизни, столкнувшись с поэзией Бориса Слуцкого, я невольно подумала, что это тот самый выросший шестиклассник. Но быстро стало ясно, что участник войны – другой человек.

Мой 6-й класс начался в новом школьном здании. Это было очень солидное строение, которое с примыкающими к нему зданиями и подсобными

постройками занимало целый городской квартал. Одна из сторон этого квартала называлась Kottbusser Straße (Котбуссер Штрассе – Котбусская улица). Внутри был большой школьный двор, соседствующий со спортивной площадкой. А здание интерната отделялось от учебного корпуса застеклённым воздушным переходом. В учебном корпусе были замечательно оборудованные предметные кабинеты: физический, химический и т.д.; большой спортивный зал, актовый зал, где проходили собрания. И замечательный зал на верхнем этаже, где нас подкармливали на большой перемене и в свободной части которого мы танцевали под игру на пианино Нелли Карповой. Мы бежали туда стремглав и осваивали элементарные па фокстрота и танго под Цфасмана, Розамунду и другие «крамольные» мелодии. Для старшеклассников, я думаю, это движение было наполнено и каким-то особым смыслом, но для нас – подвигаться и потолкаться – было очень заманчиво.



Дрезденская советская школа (комплекс зданий – учебный корпус и интернат)

Надо сказать, что в школе на втором году её существования сложилась своя школьная элита. Свои звёзды. Конечно, старшеклассники: Муся Маршак, Отто Абель, Ким Ерухимович, Тамара Шошина, Нина Харчевина, Рэмо Казакова, Волик Матыцин, Гриша Годарев и др. Мы в элиту не входили, мы были «планктон». Комсомольские вожди тоже были элитой, их уважали, но любили других. Помню, каким воплем радости и восторга встретили почтенные дяди и тётки на одной из встреч дрезденцев приближающегося к ним лысоватого Кима Ерухимовича. На одной из этих встреч, наверное, в 80-х годах, одна из тогдашних 9-ти или 10-ти классниц показывала мне фотографию, подаренную ей её одноклассницей Элиной Быстрицкой с надписью – посвящением. Она убеждала меня, что Быстрицкая какое-то время числилась в нашей школе.

Кстати, надо сказать, что обмен фотографиями охватил школу с начала её существования, как эпидемия ветрянки. У учеников появилась возможность фотографироваться в небольших немецких фотоателье, а, главное, фотоаппараты стали не редкостью у самих учеников.

В 1946-м году в Советском Союзе было введено раздельное обучение, возникли мужские и женские школы. Мой 6-й класс соответствовал новой системе, это был класс для девочек. Соответственно был и класс для мальчиков. Это породило массу новых развлечений на переменах. Например, открыть удерживаемую изнутри дверь класса девочек и затолкать туда какого-нибудь красного с оттопыренными ушами «гидальго».

Класс был большим (по составу), может быть даже переполненным.

В этом классе у меня появилась подруга Галя Минченко. Дружбу укрепляло и то, что семья Гали жила в Радебойле. Я ходила к ней в гости и Галя играла мне «Молитву девы», музыку, как мне казалось, небесной красоты. Я в то время только начинала учиться игре на фортепиано и могла изобразить очень немного из программы классической школы. Позднее к нам присоединилась Лида Носова из нашего же класса. Были опять же фотографии, сделанные в каком-то немецком ателье, которыми мы обменялись в знак вечной дружбы. Помню в этом классе красавицу Нону Прокопович. И девочку, которая вместе с матерью была угнана в Германию во время войны. Её звали Галя Кирпичёва. Она очень быстро обижалась на безобидные шутки одноклассниц, покрывалась румянцем и часто плакала. А ещё была маленькая девочка Лида Анисимова. Она подарила мне небольшой справочник по альпийской растительности, с цветными фотографиями. Из него я и узнала, как выглядит эдельвейс.

Состав класса опять же менялся, но помню многих, кроме тех, кто перешёл из 5-го как Нина Воронцова и Тося Рыбарева, новыми были Валя Вязникова,



**Ученицы 6-го «Б» класса
в школьном дворе**

Инна Бачюлис, Галя Татарская, Майя Терезюк и т.д.

Запоминанию опять же способствовала фотография. Дело в том, что на день рождения в начале 1946-го года брат подарил мне фотоаппарат. Это был простейший аппарат «зеркалка», б.у. Но главное – он мог сфотографировать, а уж потом материал передавался в ателье, откуда приходили вполне сносные фотографии. Обычно на перемене мы бежали на задворки школы, где среди строений неизвестного назначения находили фон для снимков. Девчонки любили принимать «изысканные» позы среди архитектурных красот.



Среди архитектурных красот

Мои попытки сфотографировать учителей во время урока были не очень удачны. Хотя одного, учителя географии Просвирнина, я сфотографировала, когда он отвернулся к карте. Литературу вёл Дрягин (имени, отчества не помню) из отставных офицеров, невысокий и не слишком везучий, видимо, человек. Иногда приходил на занятия с «душком» от выпитого. Физику вёл Яков Филиппович (или Филиппов), почему-то мы шумели на его занятиях.



**Пионерский лагерь. На линейке.
Германия 1946 год.**

А на летних каникулах наступало время пионерского лагеря. Он был устроен на небольшом спокойном озере в бывшем лагере для гитлерюгенд. Условия были довольно спартанскими, но нам всё нравилось: и летние домики, и центральная площадка, где проходили разные построения и зарядка, и небольшой комплекс спортивных и развлекательных сооружений, главными из которых были качели-лодочки,

и где нам иногда показывали кино на открытом воздухе. В какую-то из смен нам показали старый «Остров сокровищ», и потом по лагерю носились пиратские выкрики – «Йо-хо-хо и бутылка рома!». Нравилась возможность

и где нам иногда показывали кино на открытом воздухе. В какую-то из смен нам показали старый «Остров сокровищ», и потом по лагерю носились пиратские выкрики – «Йо-хо-хо и бутылка рома!». Нравилась возможность

накупаться в озере до синевы или накататься на качелях до потери пульса. И захватывала главная интрига сезона – военная игра. К ней долго готовились и ещё дольше переживали удачи и неудачи боевых действий. Пионервожатыми были наши старшеклассники. В частности, мой брат Володя, был вожатым в самом младшем отряде, и я не раз наблюдала, как он вёл свой отряд на прогулку или купание. Володя впереди, а его подопечные, как цыплята, очень организованно за ним. Наверно именно с лагеря началась моя детская дружба с Рэмо Казаковой, которая продолжалась до нашего отъезда в Союз.

В седьмом классе произошло некоторое расслоение класса. Девочки, которые отставали по возрасту от своих классов, стали взрослее основной массы семиклассниц, и интересы у них были уже другими – шляпки, причёски, мальчики. Был забавный случай. На родительском собрании класса отец Жанны Диденко осудил отличницу Журавлёву за то, что она не подтягивает его дочку по математике (условием для подтягивания было то, что мы жили на одной улице в Радебойле). У меня долго хранилась фотография Жанны времён седьмого класса. О, не математика интересовала в те поры шестнадцатилетнюю красавицу! Появились и новые девочки, в частности, девочки-ленинградки Инна Захарова и Нелли Зубкова, и появилась новая тема для обсуждений и яростных споров: какой город лучше – Москва или Ленинград? Я в этих спорах не участвовала. В Ленинграде я не была, а в Москве прожила только первые год и девять месяцев своей жизни.

В 7-м классе мне исполнилось четырнадцать лет, и я вступила в комсомол. Я помню общее комсомольское собрание школы, на котором меня принимали в ряды. Ответить на все вопросы по Уставу ВЛКСМ мне удалось, а вот дополнительный вопрос: кто такой Салазар? – меня срезал. Смешно, но много лет спустя, в другой жизни, я неоднократно встречала автора этого вопроса на концертах в Большом зале Московской Консерватории. Видно, и его интересовал не только Салазар.

Конечно, наша школа не была обыкновенной хотя бы потому, что практически у всех учеников отцы остались живыми после войны. Был замечательный педагогический коллектив. Было какое-то светлое восприятие жизни и надежды на светлое будущее. И надо сказать, что руководство школы и комсомольская организация делали всё, чтобы наполнить жизнь послевоенных школьников интересными и радостными событиями. Думаю, все участники помнят замечательный бал-маскарад, приуроченный к встрече 1948-го года. В центре зала стояла большая богато украшенная ёлка, а вокруг неё творилось чудо. Было много разнообразных костюмов, сделанных своими руками и взятых напрокат в немецких прокатных фирмах, был конкурс костюмов и опять же музыка и танцы, танцы... Мне мама сшила костюм Снегурочки из белого парашютного шёлка.

А постановка «Золушки» по Маршаку! Потрясающее событие для всей школы! Золушка – Тамара Шошина, принц – Волик Матыцин. Премьера прошла в Доме офицеров. Свободных мест не было!

Наша мама стала преподавать в школе, когда открылся детский сад, и сестра стала его посещать. Это примерно соответствует переезду школы в

новое здание. Преподавала она химию, и могу сказать без ложной скромности, была одной из самых уважаемых учительниц в старших классах. Она восхищалась устройством кабинета химии в школе и использовала его возможности по максимуму. Готовила заранее опыты и даже нам рассказывала о них. Она была увлечена процессом преподавания на том уровне, который предоставляло оборудование химического кабинета в этой добротной современной немецкой школе. И эта её увлечённость «сманила» некоторых из её учеников в химические ВУЗы. Один из них получил даже Государственную премию по химии.

Весной 1948-го года мы уехали в Союз. О Дрезденской школе остались самые светлые воспоминания. И не только у меня. Недаром довольно скоро сложилась традиция встреч бывших дрезденских учеников в Москве или в Ленинграде. Я узнала об этих встречах случайно. Однажды на концерте в Консерватории соседка обратилась ко мне по фамилии. Она узнала меня, хотя училась в дрезденской школе на класс старше. Она сказала мне о регулярных встречах дрезденцев 31-го августа каждого года на ступенях Исторического Музея. Но я тогда училась на Физтехе и 31-го августа всегда была в Долгопрудной. Я стала ходить на эти встречи значительно позднее, наверное, потому что к ним привлекали брата. Встречи в Москве были многолюдными и очень тёплыми. Благодаря работе актива (во главе с Н.Ф. Харчевинной) они проходили и в Музее Вооружённых Сил, и в скверах и парках Москвы, а



Л. Б. Сулла и наша мама Е. Ф. Журавлёва

завершались банкетом. Помню банкет в большом банкетном зале ресторана Будапешт. Дрезденцы приехали со всего Советского Союза. Было и много бывших учителей, в том числе Л.Б.Сулла.

Он сказал даже не тост, а зажигательную речь о нашей школе. И в этой речи много благодарных слов было адресовано А. Г. Журавлёву, нашему отцу, который был инициатором создания школы в Дрездене и сделавшему очень много для организации её работы. Мне было даже как-то неловко, оценка роли папы

для школы мне показалась чрезмерной. А сейчас я жалею, что тогда у меня с собой не было устройства, позволявшего записать эту речь.

Да, наша школа была первой в Германии, и мне кажется, я догадываюсь, почему. Сохранилась фотография 1945-го года. На ней наша мама, по-

видимому, сразу после приезда в Германию. Печать пережитого за четыре года войны ещё лежит на лице. Оно подчёркнуто худощаво и грустно. Но откуда грусть на прекрасном лице нашей мамы? Ведь война кончилась, и муж жив, и он с ней, и младшая дочь, сероглазое чудо, здесь, рядом.



А. Г. Журавлёв с младшей дочерью Милей. Радебойль, октябрь 1945 год.

Но двое старших остались в далёкой заснеженной российской деревне, где нет электричества, нет телефона, нет никаких других радостей цивилизации, но есть простая сельская школа...

Примечание.

Отец, Журавлёв Алексей Георгиевич, 1905 года рождения. В 1929 году успешно окончил хозяйственно-правовое отделение факультета Советского права 1 Московского Государственного университета. В 1931 году призван на действительную службу в Красную Армию в должности политрука. Закончил Великую Отечественную войну генерал-майором в должности начальника политотдела 1 ГТА в Берлине.

Мама, Журавлёва Елизавета Фёдоровна, 1907 года рождения. В 1930 году успешно окончила химическое отделение физико-математического факультета 1 Московского Государственного университета.

Валентина Алексеевна Голованова (Журавлёва), 1934 года рождения, кандидат технических наук. Окончила в 1957 году Московский физико-технический институт (МФТИ).